

Дошел до Рейхстага и вернулся в Пулково

95-летний фронтовик Александр Дадаев, живущий в доме на Пулковских высотах, защищал их в Великую Отечественную и всю жизнь работал в Пулковской обсерватории

Фронтовику Александру Николаевичу Дадаеву, награжденному орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда» и другими, теперь уже сложно дойти до Пулковской обсерватории, хотя он живет совсем рядом — в квартире, находящейся в двухэтажном доме на территории обсерватории. Зима, скользко, холодно. Да и годы берут свое: осенью Александру Николаевичу исполнилось 95 лет, к тому же врачи посоветовали побережиться после длительной болезни. Так что пока Александр Николаевич в погожий день только выходит посидеть на лавочке возле дома. Но, будем надеяться, когда настанет теплая погода, он снова сможет пойти в обсерваторию, с которой связана вся его жизнь.

«Что главное в работе астронома?» — «Найти себя», — отвечает фронтовик.

Интерес к звездам... благодаря следователю царской охраны

— Я — очень счастливый человек. У меня не только внуки и правнуки. У меня даже есть праправнучка и праправнук! А родился я в Петрограде 5 октября 1918 года, — рассказывает Александр Николаевич. — Отец мой, Николай Николаевич, — родом из Ревеля, это нынешний Таллин. И в Петроград приехал на работу к своему старшему брату, который к тому времени здесь обосновался. Он устроил моего отца в типографию, мальчиком на побегушках. А затем, освоившись, папа стал наборщиком. Но типография того времени — производство, вредное для здоровья. Отец заболел воспалением легких, потом еще одним и еще. Врачи сказали: «Хочешь остаться в живых — уезжай из Петрограда». И он уехал в Ярославскую область, в Ростов. Мама с папой так до конца жизни там и были.

Александр Дадаев учился в ростовской школе №1 имени Ленина. Эта школа, занимающая старинный просторный и красивый особняк, при царском режиме называлась гимназией и основана была купцом-меценатом Алексеем Кекиным. При царском же режиме в высокой башенке, венчающей здание гимназии, располагалась учебная обсерватория.

— Вот только в школьные годы посмотреть там в телескоп я не смог, — замечает Александр Николаевич. — Оборудование уже не работало. И уж конечно я и мечтать не мог, что когда-нибудь буду работать в Пулковской обсерватории, которую тогда называли астрономической столицей мира.

Своему интересу к далеким звездам Александр Дадаев обязан не школьной лаборатории, а... судебному следователю царской охранки.

— Кажется, это было в 7-м классе. Я тогда один год жил в Костроме. Там познакомился с интереснейшим человеком — Николаем Ивановичем Александровым. При царском режиме он был судебным следователем. А тогда ему было уже лет 75. Мне — 15. Астрономия была его несбывшейся мечтой. Он так увлекательно рассказывал! И посоветовал прочитать мне книгу немецкого астронома Германа Клейна «Популярная астрономия». Судьба Клейна очень интересна. Он был книготорговцем, затем увлекся астрономией. Самостоятельно изучил математику и астрономию, защитил диссертацию. Я прочитал книгу — и все, «заболел» астрономией. Навсегда, — вспоминает Александр Дадаев. — В 1936 году с медалью окончил десятилетку и решил поступать в Ленинградский университет, на математико-механический факультет.

Александр Николаевич написал письмо в университет, и оно настолько поразило преподавателей, что юношу сразу же зачислили на факультет без экзаменов.

На практику, после окончания 4-го курса, Александра Николаевича послали в Пулковскую обсерваторию. Месяц он жил в «кукушке» («кукушками» называли крошечные комнатки, расположенные над кабинетами).

В 1941 году Александр Дадаев окончил университет, но выйти на работу молодому специалисту не удалось. Его судьбу, как и судьбы других советских граждан, стало определять одно: война.

Александр Дадаев — ученый секретарь Пулковской обсерватории.

Сначала была Невская Дубровка

Как только началась война, Александр Дадаев пошел в райком ВЛКСМ и написал заявление с просьбой зачислить в армию. С 5 июля 1941-го по 5 июля 1946 года — это время его армейской биографии.

Служил рядовой Дадаев в военно-топографическом отряде, который выполнял задания по всему Ленинградскому фронту. И очень часто — в районе Пулкова.

— Вы составляли карты местности?

— Мы занимались уточнением топографических карт. Карты, которые были у военных, были составлены за 20 и более лет до начала войны. Естественно, за такое время произошли изменения. И мы их наносили на карты. Второй нашей задачей было определение целей, например огневой установки, на стороне противника. Если наблюдать объект с двух различных точек, то можно достаточно точно определить местоположение цели, что мы и делали, — ответил Александр Николаевич.

10 декабря 1941 года молодого бойца тяжело ранило. Произошло это на Невском пятачке.

— Был приказ ночью переправиться на другой берег. Переправились. Утром, очень голодные, пошли искать полевую кухню. Нам даже никто не сказал, что никаких полевых кухонь здесь нет и в помине и искать еду бесполезно! Пошли: а там каждый квадратный метр буквально простреливается немцами. Мы были внизу, а немцы — наверху, над обрывом, и они буквально охотились за каждым бойцом. Но — у кого какая судьба, я избежал пули, но не избежал мины, — поясняет Александр Николаевич. — Взрыв прогремел неподалеку. Вижу — сидит на земле солдат, а мышц на обеих ногах у него нет, голые кости. Мертвый солдат: такое ранение, да еще в мороз пережить невозможно. Сделал еще несколько шагов, и снова взрыв мины. Меня ранило в голень правой ноги. Осматриваюсь — рядом земляная круча, а в ней виднеется медпункт. Медпункт был

вырыт прямо под обрывом. Ползу к этой спасительной землянке. Подполз. А меня солдат, дежурящий на входе, внутрь не пускает. «Чего там у тебя?» — спрашивает. Отвечаю, что ранен. «У тебя же есть индивидуальный пакет, вот и перевязывайся сам. У нас и без тебя народу хватает», — отвечает охраняющий. Может, более страшные ранения там у всех были, не знаю. Сел на снег возле землянки и сижу. Солдат тот снова выходит, и интересный диалог у нас с ним случился. Он: «Чего сидишь?». «Жду перевязку». Он: «Убирайся отсюда, пока цел!» Я: «Ходить не могу!». Он: «Но ползти-то можешь? Вот и отползай!» Ну что делать? Нужно ползти на другой берег, там медсанбат. Ползу к реке, по дороге ногу вывихнул, но упорно дальше ползу. Вот и река, покрытая льдом. А ползти по льду тяжело: торосы кругом. Немцы ведь чуть ли не каждый день по льду стреляли. Чтоб лед расколоть. Но все равно ползу. Начал ползти от землянки где-то часов в 12 дня, а переполз на другой берег часов уже в пять вечера, смеркалось.

И все-таки раненому удалось доползти до берега. Переполз — и свалился в окоп. Что спасло ему жизнь, поскольку немцы открыли шквальный огонь. Как только он стих, Александр Николаевич выбрался из окопа и пополз к медсанбату. Дополз, и его сразу же положили на операционный стол.

— Дальше — ничего не запомнил. Несколько дней лежал в бесспамятстве. Меня ранило 10 декабря, а очнулся я 17-го в госпитале, который занимал помещение школы на углу Обводного канала и Московского проспекта. Осколки из ноги мне и потом вынимали, операций пять было. Но все равно один так и остался — маленький и тонкий, как лист бумаги, — уточнил Дадаев.

Руины главного здания Пулковской обсерватории. Фото 1944 года.

А на стене Рейхстага расписываться не стал

Из госпиталя Дадаева перевели в так называемый батальон выздоравливающих, располагавшийся в здании рядом с Марсовым полем. В батальоне том было страшнее, чем на фронте.

— Очень много раненых умирали. Несколько комнат было завалено трупами. И каждый понимал: скоро может подойти и его очередь, — говорит Александр Николаевич.

Чтобы как можно быстрее вернуться в строй, Александр Николаевич старался больше ходить, стал выходить на улицу. Знакомые посоветовали ему обратиться в геодезическую часть, которая базировалась на улице Воинова. В ту часть его не приняли, поскольку там требовалось иметь офицерское звание, зато приняли в военно-топографический отряд. В группу, которая базировалась на Московском проспекте. Александр Николаевич оставался в военно-топографическом отряде до декабря 1944 года.

Бойцов отряда часто направляли в район Пулкова. И на Пулковских высотах Александра Николаевича ранило. Рассказывает Александр Николаевич:

— Был дан приказ уточнить границы расположения войск противника. Мы вышли на разведку. Нужно было идти по Волхонскому шоссе. Нас предупредили: перекрестки нужно стараться обходить, поскольку они — на прицеле у немцев. Идем, подходим к перекрестку, нужно идти в обход. Нас пять человек. Но командир, молоденький лейтенант, приказывает идти прямо. На войне нельзя не выполнять приказ. И не успели мы дойти до перекрестка, как рвануло. Мина. Четверых ранило, и тяжелее всех — того молоденького лейтенанта. Меня ранило в голову, но кость осколок, к счастью, не пробил. Когда вернулся в часть, мне дали отпуск на три дня, чтоб отлеживался. Отлежался — и снова на передовую.

Для Дадаева война закончилась уже в Германии (Александр Николаевич к тому времени получил звание младшего лейтенанта).

— Был в Берлине, по Рейхстагу ходил. Пинал ногами бумажки разные их, бланки. Это уже когда было объявлено о капитуляции Германии. Автографа своего на стенах не оставил. К чему? Мне показалось это не очень-то остроумным. Да и понятно: здание будут ремонтировать и надписи сотрут, — поясняет Дадаев.

После службы в армии Александр Николаевич поехал к родителям в Ростов, устроился на работу в институт, преподавал математику. У него уже была невеста в Вышнем Волочке — Раиса Николаевна, тоже фронтовик. (Брак, к слову, оказался очень счастливым, Александр Николаевич и Раиса Николаевна прожили вместе много лет, вырастили троих детей, отметили золотую свадьбу. Несколько лет назад Раисы Николаевны не стало.)

Теперь, когда настало долгожданное мирное время, звезды вновь властно заявили о себе.

Решил поступать в аспирантуру, в Пулковскую обсерваторию. Ректор института, подписывая приказ об увольнении, едко заметил: «Генералом от науки хочешь стать?» (хотя к тому моменту Дадаев уже был назначен заместителем ректора по науке). И Дадаев ответил: да. Ну как объяснишь, что наблюдение за звездами тебе дороже самой престижной должности?

В декабре 1948 года Александра Дадаева зачислили научным сотрудником Пулковской обсерватории.

После войны. Слева — Александр Николаевич Дадаев с супругой Раисой Николаевной.

И снова Пулково

Пулковская обсерватория фактически была превращена в руины. Все нужно было восстанавливать. Александр Николаевич с семьей поселился на территории обсерватории.

— Разруха кругом. Хотя даже не она была страшна. Страшны были мины, которых в районе оставалось еще очень много. На минах тех сколько коров погибло! И дети, случалось, гибли. Овраг тут был неподалеку, так в него каждый день саперы снаряды свозили и потом взрывали. А потом на месте того оврага водоем образовался. И мы, дети, в нем купались, — вспоминает Светлана Александровна, одна из дочерей Александра Николаевича.

Отстраивалась обсерватория, продолжились прерванные войной научные исследования. Александр Дадаев получил степень кандидата физико-математических наук, долгое время был ученым секретарем обсерватории, затем заведовал астрофизической лабораторией.

Свою работу в Пулкове Александр Николаевич начал с наблюдения за звездами-сверхгигантами. Его диссертация так и называлась: «Природа горячих сверхгигантов». Эти далекие звезды с их голубовато-притягивающим мерцанием стали основной темой научных изысканий. Второй темой стало изучение времени

— Знаете, когда много наблюдаешь за звездами, неизбежно задумываешься о том, что стоит за мирозданием. Вот и я, изначально будучи воинственным безбожником, пришел к выводу о существовании духовной жизни независимо от жизни материальной. Уверен: духовное начало и материальное начало между собой ничего общего практически не имеют. Духовное — это одно, материальное — другое. Одного из другого не может получиться. Материалистическая наука исходит из того, что органическая жизнь возникла на основе материальной жизни (хотя это и не доказано), но доказать, что духовная жизнь вытекает из материальной, никому не удалось и не удастся, — считает Александр Николаевич.

— Как вы считаете, будут ли когда-нибудь обнаружены другие цивилизации?

— Возможно. Хотя явления жизни — удивительно редкая вещь. Но элементы органической жизни присутствуют в космосе.

— А что самое главное в работе астронома?

— Найти себя. Как и в любом другом деле.

На то, чтобы полностью восстановить знаменитую обсерваторию, ушли годы.

Автор: [Тюменева Татьяна](#)